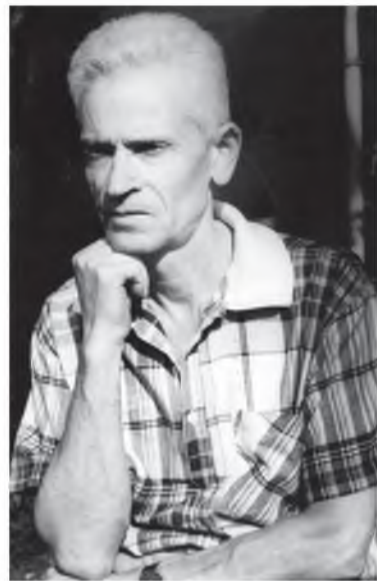

И ПЕЛА, И СИЯЛА ВСЯ ЗЕМЛЯ!

АППАССИОНАТА

(баллада)

1

Он слышал в музыке — и птиц весенних трели, и выстрелы сверхмощной батареи! ...Он с неохотой ехал в дальний

город, скучал по матери, зелёному селу... Потом — профессора негромкий

голос: — У вас, мой мальчик, абсолютный слух.

И он спешил! Он через месяц ровно играть её профессору пошёл. — О нет, мой мальчик, это не

Бетховен. Сыграйте-ка мне гамму «до-мажор». А пальцы продолжали оступаться. Профессор был спокоен и назойлив. И он играл, Натруживая пальцы до беспощадной боли, до мозолей.

2

Война. Он видел сам, как из-за леса на город налетели самолёты И как лежал недвижимый профессор бинтами, точно саваном, обмотан... А рядом — высеченный из гранита, взрывной волной контуженный Бетховен. Казалось, небу чёрному грозит он своей могучей каменной рукою!

3

Привыкшие к нагрузке непомерной, к работе изнурительной и нервной чувствительные кисти пианиста освоились с ружьём легко и быстро. Но снился по ночам не раз солдату на много тысяч мест концертный зал, где он играет «Аппассионату», и он, проснувшись, утирал глаза...

4

Он не играл. Он думал, что, наверно, ему теперь и гамму не суметь. Но вот в полуразбитом доме Вены случайно оказался инструмент. Он подошёл к роялю неуверенно, подвинул ближе старый венский стул. Солдаты так затихли, как, наверно, не замирали даже на посту.

5

Рояль запел... Негромко. Старомодно... И был таким просящим первый звук, как будто жил рояль сто лет голодным без этих огрубевших в битвах рук! А за окном вставало солнце мая, и звуки вырывались за окно. И люди все друг друга понимали, любили и стояли заодно!

БАЛЛАДА О КРАЮХЕ ХЛЕБА

Памяти Павла Мелехина

Как поработал надо мною тиф! Совсем освободил меня от плоти, но, в ангела меня не обратив, едва не сделал дьяволом, напротив... Мне снился хлеб, мне снилась кукуруза, узбекский плов, дунганская лапша,—

О поэте лучше всего говорят его стихи. Как ты дышишь, так и пишешь. Однако штрихи биографии также бывают весьма красноречивы. Поэт Николай Михайлович Перовский родился 31 декабря 1934 года. Сын репрессированных родителей, он воспитывался в детском доме. В эвакуации жил в Казахстане, окончив там среднюю школу... Нелёгкая судьба была у мальчишки, другой бы сломался, озлобился, а он словно боль переплавил в поэзию. Она читается и в строках, и между строк, но стихи его всегда добры по отношению к человеческой душе.

С 1957 года поэт жил в Белгородской области, с 1976-го — в Орле...

Н. М. Перовский — автор более двадцати стихотворных и прозаических книг, изданных в Москве, Туле, Белгороде, Воронеже, Орле. Его произведения публиковались во многих сборниках и альманахах. Его литературное наследие — достойный вклад в национальную культуру.

я превратился в страждущее пузо, и поросла бильём моя душа. А за стеною, в девичьей палате остриженный барашек с жёлтым лбом, глаза да кости, вешалка в халате, впечатанная в память, как в альбом...

По коридору двигался солдат... На костылях, в обвиснувшей шинели, глаза его, запавшие, синели: — А ну, посторожи котомку, брат... Он скинул вещмешок и в процедурный ушёл на перевязку в кабинет... Ударил запах хлеба, стало душно, поплыл перед глазами белый свет...

С краюхой под халатом и под мышкой, с безумным, как и я, дурным мальчишкой, мы вызвали соседку в коридор и, спотыкаясь, кинулись во двор... Мы ей признались... И она ногами затопала, завывала: — Ур-ка-га-ны-ы! Проклятые фашисты! Дураки-и-и! Её слова разили, как плевки...

А мы катались в молодой крапиве, мы плакали, стонали и вопили, и уронивший костыли солдат, пытаясь сесть, свалился рядом с нами, легонько нас состукнул головами и зашептал-заплакал: — Так-то, брат...

БАЛЛАДА О РАННЕМ ДРУТЕ

Судьбой заброшенный в глубинку, за тупиковый перегон, носил он кепку-шестиклинку и старый китель без погон. Землетрясения, ураганы, табак, урючные сады, — здесь притяньшанские дунганы вели бои из-за воды. Раскинув щупальца, как краб, здесь воеводой был мераб.

На горизонте были горы, рвалась в долину речка Чу, но жизнь без фауны и флоры была мальчишке по плечу. Его работой был базар, его пристанищем — мазар.

Он жил, не ведая обиды, среди обугленных полей, и вдруг, как с неба, инвалиды из тыловых госпиталей... Гармошки, драки, костыли его в смятенье привели.

И он, четырнадцатилетний, как будто смертно виноват, кусок ворованный, последний стал сбергать для тех солдат. Случилось так, что на вокзале с поличным сцапали его, но наказать не наказали — определили в ФЗО. И он смирился — раз уж влип, прими режим и тяжкий «Дип».

Точил болванки для снарядов, не поднимая головы, и ждал единственной награды, ждал Дня Победы, но, увя... Легко считать чужие беды: «Ушастый шкет, кишка тонка, но — дотянулся до Победы от фэззушного станка!» ...Жизнь бьёт таких наверняка — мой друг сгорел от сыпняка.

БИБЛИОТЕКАРША

Она нам казалась ужасно богатой, библиотекарша детской колонии, окружённая греческими богами, мушкетёрами и ковбоями.

Она приходила до грусти усталая, на гвоздик пальто своё старое вешала, смотрела на полки, плотно заставленные, и улыбалась вежливо.

Она зажигала нас Горьким и Лондоном и заставляла грустить над Чеховым. ...Она жила в эти годы голодная, и дети её голодали — четверо...

Дети, серьёзные не по возрасту, ждут свою маму с дровами, ждут каждый день и невесело возятся в квартире, ветрами войны продутой.

Она ждала, забывая про голод, ждала и верила безгранично, — и муж вернулся в маленький город, вернулся и встал на камень гранитный!

Она неустанно и твёрдо боролась, чтоб стали мы честными, стали мы добрыми, а мы ей носили дрова ворованные, когда её не было дома...

В. Н. Блинов «Судьба поэта» (Николаю Перовскому посвящается). 2016 г.

ГАЛЧОНОК

Уже не помню, кто принёс галчонок. Он был весёлый, чёрный и крикливый. Он просыпался летом вместе с солнцем и начинал кричать: «Пора, пора!»

Он видел всё, что делали мальчишки: варили раков, бегали в орешник... А в сорок первом он летел за нами и возле Курска встретился с войной.

Нам о войне немало говорили, Но в детстве видишь слишком много неба, считая тучи, даже грозовые, предвестниками тёплого дождя...

Мы ехали на нескольких подводах — отличная мишень, куда уж лучше! В сынах большевиков железа много — мы были для фашистов как магнит.

Их было два, прерывисто ревуших, украшенных тяжёлыми крестами, они спокойно выгружали бомбы на нас, застывших в выжженной степи.

И наш худой очкастый воспитатель кричал куда-то в небо: «Здесь же дети!» (О милый дядька, где ты?)

А галчонок лишь вздрагивал при взрывах и молчал.

Затем взлетел и, глядя на убитых, зачем-то сделал два неверных круга, вскричал: «Пора!» — и детство унеслось.

Смотрело солнце, яркое, большое. И снова степь жила привычной жизнью.

А нас осталось мало, но железа удвоилось в мальчишеской крови...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

...Как раз мы были заняты едой, когда ушастый, рыжий и худой влетел дежурный, крикнул: — Пацаны! Конец войны! Эй вы, конец войны!

И все смешалось, грянуло «ура!», и эхо докатилось до двора. Из кухни воспитатель: — Вы чего? Мы, хохоचा, глядели на него...

Мы в эти годы грезили едой... Швыряли миски с тыквенной бурдой!

Горбушки по карманам и айда куда-нибудь на улицу, туда, на снеговой Тянь-Шань, на белый свет, где нет войны, где смерти больше нет!

Ревела Чу в бульжанных берегах, саманные домишки и бараки вывешивали праздничные флаги и бредили на разных языках на русском, на казахском, на иных наречиях Советского Союза... Да что язык — он стал почти обузой, Победа породила свой язык — тот самый, что важнее и ярче слов: язык улыбок, слез, внезапных жестов...

Вон пастушонок растерял коров, вон марджа* сияет, как невеста! Седой солдат, безногий инвалид, детдомовцам сует буханку хлеба, он плачет и смеётся (жуткий вид!) и, забывая, что и где болит, он костылями салютует в небо!

Не площадь... Не перрон... Сплошной базар! Чалмы, чубы, фуражки, тубетейки... Вон укротитель с пляшущей змейкой,

а вон канатоходец из Джунгар!

Сияло солнце в этот майский день, цвела в садах дунганская сирень, роняли пух на землю тополя, и пела, и звенела вся земля!

* Марджа — бабушка (казахск.).

УЗЕЛОК

У бабушки в морщинистой руке Платочек-узелочек с мелочишкой, Как я мечтал об этом узелке, Бездомный и безденежный мальчишка!

А цены были просто до небес... «Ну что она на эту мелочь купит?» — Подзуживал меня корыстный бес, но он толчок слова, как воду в ступе...

И все же я решился наконец Под действием азарта или глюка, Когда она купила леденец На палочке — для внучки или внука.

О, этот вожделенный «петушок» — Сосательная липкая конфета! «Взять бабушку — не грех, а так — грешок?» — не знаю, от кого я ждал ответа...

Не совесть, а судьба уберегла, И в результате долгих проволочек Я опоздал — мой друг Карабала «Увел» у нищей бабушки платочек...

Тимоша сам увидел узелок: — Ты обокрал убогую старуху?! Влепил ему от сердца оплеуху — И это был заслуженный урок!..

ИСПАНИЯ

Дарио ПЕНО

Я в детстве много слышал об Испании, где шли ожесточённые бои. И помню я мальчишками вас, парни, республиканцы — сверстники мои.

Вас, измождённых и полураздетых, везли машины Красного Креста, и женщины России многодетной вам отводили лучшие места.

Мы вместе ели и в одних кроватях спали, и вы сроднились с нами до конца, и матери молились там, в Испании, о наших общих братьях и отцах...

А позже — и в детдоме и в колонии — доносчиков и прочих подлецов мы называли «пятой колонной» и проклинали памятью отцов...

...Они недаром были, эти годы, историю не сдавив в кулаке — несётся голос острова Свободы на том, знакомом с детства языке!

СТАРИК

В сторожке из серых нетёсаных досок, где ночью и днём табачный туман, тихонько работает старый философ — философ, от горя сошедший с ума.

По виду обычный — смущённый и добрый — он летом пришёл и прижился в детдоме. Густеющий клей и весёлые стружки, в тазу — отсыревшая за ночь лоза...

Все эти корзинки, все эти игрушки старик в воскресенье снесёт на базар. Он всё променяет — зачем ему деньги? — на сою и дыни, лепешки и рис.

Он скажет рассеянно: «Кушайте, дети...» И что-то бормочет, уставившись вниз.

Он звал нас уверенно Гришей и Петей. Откуда, откуда безумному знать, что Гриша и Петя, любимые дети, погибли на фронте два года назад...

Философ, которому твёрдою почвой полвека служили запасы ума, не мог и придумать тот день, когда почта вручит ему два похоронных письма.

И он побредёт городским тротуаром, шатаясь и плача, и бормоча, — пустынный и праздный, как пепел пожара, как храм, что оставлен навек без ключа.

...Без гроба, в простую простынку завернут, мальчишка, мой друг и философа «сын», землю, оттаявшей в сорок четвёртом, засыпан... И всё это было, как сон...

Цветущий урюк и шиповника зелень, и глупой кукушки бессмысленный счёт, и гневный старик, укоряющий землю, и небо, и солнце, и что-то ещё...

Потом он бродил по казахским аулам, меняя игрушки на хлеб и ночлег, и где-то в Тянь-Шане, южнее Джамбула, сожжённый страданием, растаял, как снег...